

ЭСХАТОЛОГИЯ И ВОСПРИЯТИЕ ВРЕМЕНИ

Работа представлена кафедрой теоретической и прикладной культурологии

Санкт-Петербургского государственного университета.

Научный руководитель – доктор философских наук, профессор А. И. Бродский

Категория времени является одной из ключевых проблем философии. Однако не менее продуктивным является и анализ понятия времени в контексте культуры, в непосредственной взаимосвязи с другими культурными явлениями и представлениями. В статье рассматривается взаимодействие эсхатологических представлений и восприятия времени.

The time category is one of the crucial philosophic issues. However, the analysis of the time notion is not less productive in the cultural context and direct correlation with other cultural phenomena and conceptions. The article scrutinises the interaction of eschatological conceptions and time perceptions.

Оперировать понятием «время» – занятие рискованное, ибо даже в нашей повседневной практике словоупотребления «время» выступает в различных значениях. А попытка простого воспроизведения всех философских и психологических толкований этого феномена человеческого восприятия заняла бы объем, в разы превышающий объем нашей статьи. В сложившейся ситуации наилучшим выходом кажется сразу указать тот смысл слова «время», который представляется важным в этой работе. Итак, нас не будет интересовать время как данность некоего объективного физического мира, как нечто внеположенное, трансцендентное нашему восприятию, потому статья ни в коем случае не претендует на достоверность описания некоей «объективной реальности». «Время», о котором мы говорим в данной работе, полностью «принадлежит» человеческому восприятию, не только являясь его «порождением», но и будучи ощущаемым как некая принадлежность. Поясним: нас интересуют не попытки человека оформить в речи и привнести в опыт представления о времени как данности внешнего мира, но «субъективное» ощущение времени как последовательности в переживании человеком его опыта – жизни.

Здесь мы возьмем за основу трактовку восприятия времени Гуссерля, нашедшую выражение в работе «Феноменология внутреннего сознания времени». Гуссерль представляет воспринимаемое человеком время чередой точечных Теперь-восприятий, когда в каждый момент к непосредственно получаемому точечному восприятию примыкает последовательность предшествующих точек восприятия, образуя в сознании непрерывную длительность. Однако более всего нас занимает вопрос, каким образом, согласно Гуссерлю, в сознание времени включено «будущее» или, точнее, полагание будущего. Для начала процитируем самого Гуссерля: «В интуитивном представлении предстоящего события я имею теперь интуитивно репродуктивный “образ” процесса, который протекает репродуктивно. <...> В этом отношении интуитивный опыт ожидания есть перевернутый интуитивный опыт воспоминания. <...> Принципиальные различия заключены, однако, в способе осуществления. <...> Репродукция прошедшего события допускает в отношении своей значимости (во внутреннем сознании) только подтверждение неопределенностей воспоминания и повышение степени определенности... посредством

превращения в такую репродукцию, в которой все и каждое из ее компонентов характеризуется как репродуктивное. <...> Напротив, ожидание находит свое осуществление в восприятии. К сущности ожидаемого принадлежит то, что оно есть становящееся-воспринятым-бытие...»¹. Предполагаемое будущее в восприятии, таким образом, является репродукцией, готовящейся стать данностью восприятия. Здесь важны два момента: во-первых, сам репродуктивный характер полагания, его органическая связь с предшествующим опытом восприятия, во-вторых, тот факт, что репродукция одновременно осуществляет формирование становящегося бытия.

Итак, будущее отлично от прошлого только способом существования: события, полагаемые нами после точки настоящего, возвращают события только что бывшего, нашего воспроизведенного восприятия. Таков же «Эон» Делеза – прямая с постоянно меняющимся точечным центром, через который чистые события-эффекты, не несущие никаких отпечатков индивидуальности, проскальзывают из прошлого в будущее. Сама же сфера предполагаемого, ожидаемого, становящегося бытия «включает» возможности возвращения всех этих уже освоенных в опыте восприятия событий-эффектов. В каждом становящемся мгновении человек предполагает целый ряд освоенных эффектов, находящихся между собой в отношении дизъюнкции. Каждый элемент дизъюнкции на правах полагаемой последовательности-длительности событий влечет за собой целую серию эффектов, которые в каждой наступающей точке-момента предполагают новую дизъюнкцию. Мы получаем странное противоречие между восприятием времени как последовательности и длительности и дизъюнктивной разветвленностью будущего-полагания. Но это противоречие, согласно Делезу, снимает само Бытие, осуществляющее синтез дизъюнкции и заставляющее все возможные и невозможные серии событий ре-

зонировать в непосредственно осуществляемой. «Единогласие Бытия сливается с позитивным применением дизъюнктивного синтеза, который и есть высшее утверждение. Это само вечное возвращение... утверждение всех шансов в единичном моменте, уникальный бросок всех метаний кости, одно-единственное Бытие всех форм и всех времен, единое упорство всего существующего»². Все возможные и невозможные серии-сценарии будущего бытия оказываются постоянно включенными в становящееся Бытие, линейность одновременно является «лабиринтом», при этом не гипотетическим, реальным настолько, насколько вообще возможно говорить о реальности применительно к человеческому восприятию.

Нашей главной целью, однако, является не столько вышеприведенное описание механизма восприятия времени, сколько попытка встроить в этот механизм весьма важный элемент – возможность остановки, прекращения времени. Казалось бы, раз уж мы говорим о восприятии времени сознанием человека, почему бы вместо «прекращения времени» не сказать просто «смерть»? Сразу оговоримся, что такое замещение было бы в корне неверным. Представление о собственной смерти, полученное через опыт соприкосновения со смертью другого, не оказывает, однако, никакого существенного влияния на переживание и восприятие времени как бесконечности. Осознание неизбежности собственного исчезновения из числа воспринимающих и действующих вовсе не мешает человеку предполагать продолжение собственного жизненного проекта даже после прекращения физического существования. В качестве примера вышесказанного Левинас предлагает отцовство, но сюда же можно отнести также творческие или научные достижения, обучение младших поколений и т. п. При условии бесконечности времени, содержащего, как мы уже отмечали, все многообразие возможностей, смерть лишь событие

среди событий, вероятность среди вероятностей. И смерти субъекта отнюдь не достаточно для завершения всех связанных с ним «возможностей» будущего. Абсолютно иначе дело обстоит в случае, если сама «бесконечная» последовательность времени будет прервана, остановлена, прекращена. В человеческом сознании возможность прекращения времени, как правило, связана с мифологемой «апокалипсиса», «конца света». Мифологемой как особой смысловой конструкцией, закладывающей в сознание представителей определенной культуры некий заместитель универсального опыта, присущего культуре как целому, – опыта прошлого, настоящего или будущего, что, как явствует из предыдущих рассуждений, не столь уж и рознится между собой. В случае апокалипсической мифологемы этот опыт говорит нам, что временной «бесконечности» однажды суждено закончиться.

Если становящееся время содержит в себе бесконечный спектр возможностей, то конец времени, апокалипсис, отсекает бесконечно ветвящиеся дизъюнкции возможностей и делит события на свершившиеся и несвершившиеся, превращая свершившееся в «реальное», а несвершившееся – в «невозможное». Бесконечность времени лишает нас возможности говорить о том, о чем дозволено говорить только после его конца – о некоем объекте – реальности, о его свойствах, истории и ее цели. Ибо постоянно пребывающее в состоянии становления ни одним, ни другим не обладает. Именно поэтому, если проект (к примеру, религиозный) человеческой истории претендует на смысл, он должен включать в себя сценарий апокалипсиса. Именно такое значение, значение абсолютной победы Добра над Злом, по мнению Левинаса, имеет Апокалипсис для христианства. «Истина требует одновременно бесконечного времени и времени, на которое она могла бы наложить свою печать – законченного времени. Завершение времени – это не смерть, а мессианское время, где непрерывное пре-

вращается в вечное. Победа мессианского – это чистая победа. Она ограждает от реванша со стороны зла, возврату которого не препятствует бесконечное время»³.

Бесконечное время способно опровергать только что утвержденное, утверждать обратное, а затем опровергать и его. Это делает невозможным смысл-цель, после достижения которого не последует нового разветвления возможностей с непредсказуемым исходом. Время необходимо остановить, только тогда цель достигнута. Но всегда ли остановка времени предполагает достижение некоей цели? Христианский Апокалипсис ведь является отнюдь не единственным апокалипсическим сценарием. Глядя на современные проекты конца света, связанные с глобальными катастрофами земного или космического масштаба, столь же слабо предсказуемые, сколь, как кажется, бессмысленные, начинаешь сомневаться в какой бы то ни было его целесообразности. Однако здесь стоит разобраться подробнее.

Итак, раз в нашем активе имеется мифологема апокалипсиса, она, как и подобает любому освоенному в опыте и сознании событию, встраивается в сферу полагания, постоянно служа одной из возможных следующих точек становящегося бытия. Как следствие, апокалипсическая мифологема образует, применяя терминологию Делеза, несколько странную, особняком стоящую смысловую серию – если можно говорить о серии, состоящей из одного события-эффекта. Но эта серия, включенная в «Единогласие Бытия», не может не создать мощный резонанс с прочими сериями. Таким образом, что бы ни предполагало будущее, оно всегда предполагает конец времени, любое становящееся событие отчасти «со-бытийствует» с финальным аккордом временной последовательности. В каждую временную точку включена точка финальная.

В ситуации становящегося времени апокалипсис не обязан осуществлять себя, что-

бы участвовать в процессе переживания времени. Переживание момента как возможно-конечного и без того кардинально отличается от переживания заведомо бесконечного времени. Отличается прежде всего тем, что оставляет небольшой зазор, трещинку между событием и следующей за ним серией-последовательностью предполагаемых следствий. Зазор этот, возможно, не столь велик, однако достаточен для того,

чтобы вместо гладкой устремленной в бесконечность линии времени увидеть само событие, обладающее некоторым местом и значением в безликой цепочке эффектов. И эта схема работает при условии наличия любого апокалипсического сценария. Другой не менее интересный вопрос связан с тем, как видоизменяют восприятие времени различные мифологемы конца света. Но это тема для другого исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гуссерль Э. Собрание сочинений. М.: Гнозис, 1994. Т.1: Феноменология внутреннего сознания времени. С. 60.

² Делез Ж. Логика смысла. Екатеринбург: Деловая книга, 1998. С. 238.

³ Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 271.